

**К ВОПРОСУ О «ЗАГОВОРЕ ЦАРИЗМА»
НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Политика царизма в конце 1916—начале 1917 г. до настоящего времени освещается в советской исторической литературе с позиций схемы «двух заговоров» накануне Февральской революции. Эта схема была выдвинута в начале 1920-х годов М. Н. Покровским. По его мнению, Россия вступила в первую мировую войну в интересах «торгового капитала» (выразителем интересов которого он считал самодержавие), но по мере продолжения войны этот «торговый капитал», лишившийся сферы приложения своих сил, «начинал скучать и горько осуждать войну».¹ Промышленная буржуазия, согласно схеме М. Н. Покровского, напротив, становится с середины 1915 г. «хозяйкой положения, хозяйкой тыла, хозяйкой снабжения армии»² и выступает за продолжение войны.

Из противоположного подхода торгового и промышленного капитала к войне М. Н. Покровский и выводил свою схему «двух заговоров», первый из которых — заговор царизма («торгового капитала») имел целью заключение сепаратного мира, а второй заговор — промышленного капитала и военщины — носил ответный характер и должен был помешать выходу России из войны. Главным в обоих «заговорах» М. Н. Покровский считал внешнеполитический аспект, полагая, что «опасность массового взрыва совершенно ушла из поля зрения» царизма и буржуазии, «забывших, что на свете есть рабочие, есть революционный пролетариат».³ Схема «двух заговоров» была положена в основу изображения кризиса верхов накануне Февральской революции и в первом томе «Истории гражданской войны в СССР», вышедшем в свет в 1935 г. Однако содержание этой схемы коренным образом изменилось. Оба заговора рассматривались в «Истории гражданской войны» как «заговоры против революции». В этой связи

¹ М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в. М., 1924, стр. 201.

² Там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 200—201.

заключение сепаратного мира с Германией рисовалось уже не как цель «заговора царизма», а как средство, для того чтобы «обрушиться против революции».⁴ Главным в обоих «заговорах» становился, таким образом, их внутривнутриполитический аспект.

С середины 1930-х годов схема «двух заговоров» стала общезначимой. Только в последние годы против нее выступил Е. Д. Черменский. Однако оспаривая существование единого «заговора буржуазии» Е. Д. Черменский не только поддерживает версию о «заговоре царизма», включавшем в себя заключение сепаратного мира с Германией, но и стремится подкрепить ее с помощью новых аргументов, оставшихся незамеченными его предшественниками.⁵ Правда, в 1964 г., в докладе на научной сессии, посвященной 50-летию первой мировой войны, и в 1965 г., во втором издании своей книги «История СССР. Период империализма», Е. Д. Черменский выступил с менее категорическими формулировками, подчеркивая сохранение колебаний в политике царизма до самого момента революции.⁶

Схема «заговора царизма» и у М. Н. Покровского, и в «Истории гражданской войны», и у Е. Д. Черменского характеризуется следующими основными моментами.

1. Тесная связь между внешнеполитическими планами (сепаратный мир) и внутривнутриполитическим курсом (отказ от соглашения с оппозицией, разгон Государственной думы и буржуазных организаций и т. п.).

2. Существование определенного плана внутривнутриполитических мероприятий, положенного в основу действий царизма. М. Н. Покровский при этом имел в виду план, изложенный в мемуарах бывшего директора Департамента полиции П. Г. Курлова,⁷ Е. Д. Черменский — записку, вышедшую из кружка правых, возглавлявшегося А. А. Римским-Корсаковым,⁸ а авторы «Истории гражданской войны» — нечто неопределенное, связываемое ими с именами министров внутренних дел А. Н. Хвостова и А. Д. Протопопова.⁹

3. Утверждение, что царизмом были предприняты реальные шаги для осуществления как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического планов его «заговора».

⁴ История гражданской войны в СССР, т. I, М., 1935, стр. 55.

⁵ Е. Д. Черменский. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. Пособие для учителей. М., 1959, стр. 97—98.

⁶ Е. Д. Черменский. История СССР. Период империализма. М., 1965, стр. 524; см. также: Научная сессия по истории первой мировой войны. Тезисы докладов. Секция III. М., 1964, стр. 157—158.

⁷ М. Н. Покровский. Очерки..., стр. 206—207.

⁸ Е. Д. Черменский. 1) Февральская буржуазно-демократическая революция..., стр. 96—97; 2) История СССР, стр. 523.

⁹ История гражданской войны, т. I, стр. 55—57.

Нет никакого сомнения в том, что царское правительство боялось выступлений революционного пролетариата и готовилось к их подавлению. Еще в октябре 1916 г. по представлению Министрства внутренних дел Совет министров постановил усилить полицию в 50 губерниях страны, увеличив, в частности, штат петроградской полиции до 6688 человек.¹⁰ В ноябре петроградскому градоначальнику было поручено выработать план действий на случай революционных выступлений. В январе 1917 г. такой план был выработан комиссией во главе с командующим петроградским военным округом генералом Хабаловым и утвержден Николаем.¹¹ В то же время, как мы покажем в дальнейшем, царское правительство и большинство лидеров правых недооценивали остроту революционного кризиса. Это было одной из причин, в силу которых они считали возможным отвергать компромисс с буржуазной и думской оппозицией.

Однако ни разработка плана подавления революционных выступлений, ни отказ от компромисса с оппозицией не означали существования «заговора царизма».

Обратимся в первую очередь к внутриполитическому аспекту действий царизма. Поражения русской армии в первой мировой войне резко обострили конфликт между царизмом и буржуазией. Этот конфликт обуславливался тем, что буржуазные лидеры решили «воспользоваться поражениями и растущей революцией, чтобы добиться у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией», в то время как самодержавие и крепостники-помещики стремились «„не отдать“ России либеральной буржуазии».¹² Политика царизма по отношению к буржуазной оппозиции не оставалась неизменной на протяжении всего периода мировой войны, а главное — в правящих кругах все время происходила борьба двух тенденций в этом вопросе: тенденции к полному игнорированию буржуазного общественного мнения, и тенденции к расколу оппозиции, к сговору с наиболее умеренной ее частью на базе уступок, не затрагивающих основ самодержавия.

Своеобразие обстановки, вызванное развертыванием кризиса верхов во время войны заключалось в том, что военные поражения царизма «озлобили против него *все* классы населения».¹³ Летом 1915 г. в Государственной думе образовался буржуазно-помещичий «прогрессивный блок», объединивший вокруг программы умеренных реформ большинство Думы от кадетов до «левого» крыла расколовшейся фракции националистов. В оппозиции царизму участвовали, внося в нее свои специфические черты, три социальные группы — буржуазия, определявшая основное социальное

¹⁰ Собрание узаконений. 1916 г., № 307, ст. 2426, стр. 3075—3085.

¹¹ Падение царского режима, т. 4. М.—Л., 1926, стр. 92—93.

¹² В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 28.

¹³ Там же, т. 31, стр. 15.

лицо всего оппозиционного лагеря; буржуазная и земская интеллигенция, давшая ему главных политических лидеров, формулировавшая его цели и лозунги, и дворянство, наиболее пассивный и умеренный элемент, который, однако, своим присоединением к оппозиции завершил изоляцию царизма.

Для политики царизма в конце 1915 г. и в первой половине 1916 г. характерно стремление использовать и усилить разногласия в оппозиционном лагере. Поэтому отказ от уступок прогрессивному блоку по существу сопровождался жестами «доброжелательства» по отношению к Думе, попытками восстановить право-октябристское большинство в ней и укрепить лояльность введумских элементов, составлявших обычно опору правительства. Наиболее эффективным жестом в этом направлении было назначение 18 сентября 1916 г. управляющим Министерством внутренних дел А. Д. Протопопова, октябриста, товарища председателя Думы, председателя Совета съездов металлообрабатывающей промышленности. Выдвинувшая Протопопова в Министерство внутренних дел и намечавшая его в будущем в премьеры распутинская клика надеялась с его помощью найти пути сближения с правыми кругами думской и буржуазной оппозиции.

Однако меры, на которые при этом рассчитывал Протопопов, хотя и привлекли вначале на его сторону часть наиболее умеренных буржуазных элементов, были совершенно недостаточны для оппозиции в целом. Осенью 1916 г. нарастание революционного кризиса заставляло оппозицию активизировать свои выступления против правительства, чтобы не оказаться полностью изолированными от широких масс. В этих условиях вступление Протопопова в правительство вызвало лишь раздражение лидеров прогрессивного блока лично против него и еще больше обострило конфликт между Думой и правительством. 1 ноября, при открытии очередной сессии Думы, блок начал ожесточенную кампанию против правительства, и особенно против Штюрмера и Протопопова. 9 ноября Николай уволил Штюрмера в отставку и назначил его преемником министра путей сообщения А. Ф. Трепова.

Уже в предвидении созыва думской сессии, а особенно после ее начала и отставки Штюрмера, в правящих кругах усилилась борьба группировок, выступавших за различные пути выхода из политического кризиса. Течение, склонное к соглашению с наиболее умеренными кругами оппозиции, было представлено членами императорской фамилии, рядом военных и бюрократов, в числе которых находился и новый премьер. Еще в конце июня 1916 г. на Николая было оказано сильное давление в пользу уступок оппозиции. В бумагах генерала Н. И. Иванова сохранился попавший к нему из Ставки проект манифеста, в котором провозглашались: образование Совета министров из лиц, «пользующихся доверием страны», учреждение особой должности верхов-

ного министра государственной обороны и политическая амнистия.¹⁴ Идея об особом «верховном министре государственной обороны» дает основания связать этот проект манифеста с именем начальника штаба Ставки генерала М. В. Алексеева, который как раз 15 июня представил Николаю доклад о необходимости введения должности такого министра и сосредоточения в его руках диктаторской власти.¹⁵

Следующая, гораздо более настойчивая попытка давления на Николая относилась к концу октября—началу ноября и была предпринята членами императорского дома, среди которых все более возрастало беспокойство за судьбу монархического режима в стране. Позднее великий князь Александр Михайлович высказал смысл этого беспокойства Николаю и Александре, заявив им: «Я вижу, что вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем, но не забывайте о нас. Разве все мы должны страдать за ваше слепое безрассудство? Вы не имеете права увлекать за собой ваших родственников в пропасть».¹⁶ Недовольство матери Николая Марии Федоровны и других его родственников вызывало прежде всего влияние Распутина и безоговорочное подчинение Николая Александре. В этом они видели причину отказа Николая от необходимых уступок общественному мнению, которые помогли бы царизму выйти из кризиса.

Какие-то разговоры об этом несомненно велись в Киеве, где 28—29 октября Николай встретился с матерью, Александром Михайловичем, Павлом Александровичем и Марией Павловной.¹⁷ 1 ноября в Ставку приехал Николай Михайлович и привез письмо Николаю, в котором просил его оградить себя от распутинского влияния, идущего через Александру.¹⁸ Николай Михайлович не только не уточнил, как именно он предлагает это сделать, но и не сказал ни слова на эту тему в разговоре с Николаем, да и письмо отдал с явной нерешительностью.¹⁹ Тем не менее Александра пришла в ярость, когда Николай, не удосужившись прочитать письмо, переслал его ей. «Почему ты не остановил его среди разговора, — возмущалась она, — и не сказал ему, что если он еще раз коснется этого предмета или меня, то ты сошлешь его в Сибирь, так как это уже граничит с государственной изменой. . .».²⁰

¹⁴ Доклад члена Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства генерала Апушкина по делу генерала Иванаова. Вопросы архивоведения, 1962, № 1, стр. 104.

¹⁵ Монархия перед крушением. М.—Л., 1927, стр. 259—266.

¹⁶ Вел. князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1933, стр. 280—281.

¹⁷ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, М.—Л., 1927, стр. 111, 117. (Далее: Переписка Романовых).

¹⁸ Николай II и великие князья. Л.—М., 1925, стр. 123.

¹⁹ Переписка Романовых, т. 5, стр. 134.

²⁰ Там же, стр. 130.

Еще большую тревогу вызвал у Александры приезд в Ставку 7 ноября Николая Николаевича.²¹ Наученный выволочкой за письмо Николая Михайловича, Николай ни слова не написал жене о разговоре с бывшим верховным главнокомандующим, лаконично сообщив лишь, что «все разговоры прошли благополучно».²² Между тем Николай Николаевич говорил позднее великому князю Андрею Владимировичу, что он при этой встрече требовал от царя создания ответственного министерства.²³ 11 ноября прислал письмо еще один член царского дома Георгий Михайлович, также предлагавший в качестве единственной меры, «которая может предотвратить общую катастрофу», создание ответственного министерства.²⁴ Наконец, 26 ноября жена великого князя Кирилла Виктория Федоровна разговаривала с Александрой, пытаясь убедить ее пойти на уступки. Александра ответила, что против самодержавия выступает лишь «петроградская кучка аристократов, играющая в бридж и ничего не понимающая».²⁵

С действиями родственников Николая тесно связано еще одно выступление, которое могло иметь место только в специфических условиях самодержавной России. Еще в конце XIX в. Николай случайно обратил внимание на чиновника А. А. Клопова, получившего с тех пор право писать Николаю, выступая как бы его личным информатором о настроениях в стране. Во второй половине октября готовилась аудиенция Клопова у Николая. Готовил ее, очевидно, генерал Алексеев, а посредником между ним и Клоповым был князь Львов. Перед аудиенцией Клопов поехал в Крым (где жили многие великие князья) и в Киев, т. е. к Марии Федоровне, матери Николая.²⁶ В конце октября 1916 г. Клопов послал Николаю записку, в которой уговаривал царя согласиться на создание министерства из лиц, пользующихся доверием Думы. Эта записка была одобрена и отредактирована Николаем Михайловичем.²⁷ Видимо, в связи с этой запиской Клопов переслал Николаю (как написанный якобы им самим) проект рескрипта на имя генерала Алексева с поручением составить правительство из «государственных и общественных деятелей, объединенных единым пониманием стоящих перед

²¹ Там же, стр. 136.

²² Там же, стр. 141.

²³ Из дневника Андрея Владимировича. Красный архив, 1928, № 1(26), стр. 197.

²⁴ Николай II и великие князья, стр. 123.

²⁵ Русские ведомости, 10 марта 1917 г., № 55.

²⁶ См. телеграммы Львова — Клопову и Клопова — Львову, 24, 25, 27 октября и 5 ноября 1916 г. ЦГВИА, ф. 12564, оп. 1, д. 73, лл. 287—289, 312.

²⁷ Записка А. А. Клопова, без даты и подписи. Автором ее мог быть и не сам Клопов. Датируется, по отметке на ней Николая Михайловича, 26 октября 1916 г. (ЦГИА, ф. 1099, оп. 1, д. 14, лл. 45—48).

Россией задач и способных опираться на большинство Думы».²⁸ Записка Клопова была передана Николаем Протопопову, и тот с помощью видного деятеля Министерства внутренних дел Гурлянда составил позднее специальный ответ, опровергавший доводы о необходимости уступок оппозиции.²⁹

Возглавив 9 ноября Совет министров, Трепов поставил перед собой цель расколоть блок ценой отдельных уступок его правому крылу и создать в Думе новое право-октябристское большинство. Видимо, этими планами Трепова объясняется поведение группы правого центра в Государственном совете (так называемых нейдгардтцев), не захотевшей объединиться с крайне правыми,³⁰ и попытка националистов-балашовцев войти в прогрессивный блок,³¹ усилив в нем правое крыло. Сам Трепов перед отъездом в Ставку в связи со своим назначением вел беседу с «видным членом блока», расспрашивая его о желательных для блока кандидатах в премьеры³² (и явно рассчитывая на поддержку). Сразу после назначения Трепов нанес визит Родзянко, заявив ему о желании наладить отношения с Думой.³³

Размеры уступок, на которые соглашался Трепов, были невелики. Практически речь шла о замене некоторых нелюбимых оппозицией министров и о привлечении в кабинет наиболее умеренных думских деятелей.³⁴ Трепов предпочитал соблюдать видимость «благожелательного» отношения к Думе — не пользоваться ст. 87 «Основных законов Российской империи» для проведения законопроектов в обход Думы, не требовать закрытия дверей Думы при обсуждении острых вопросов, не раздражать оппозицию разрешением съезда правых, избегать выступлений министров, способных «неблагоприятно отразиться на взаимоотношениях правительства и законодательных установлений».³⁵ За это он требовал отказа от большей части законодательной программы блока, ограничившись в правительственной декларации обещанием рассмотреть вопрос о мелкой земской единице и реформе городского положения и заявив, что «едва ли есть время более

²⁸ Проект не датирован, но он не может относиться ко времени до 24 октября, когда кадеты приняли формулу о правительстве, «способном опереться на большинство Думы». С 8 ноября Алексеев заболел и был замещен генералом Гурко вплоть до 23 февраля 1917 г. Следовательно, проект рескрипта мог относиться только к рубежу октябрь—ноябрь. (ЦГИА, ф. 1099, оп. 1, д. 16, л. 1).

²⁹ Падение царского режима, т. 4, стр. 41; т. 5, стр. 270—271.

³⁰ Биржевые ведомости, 8 ноября 1916 г., № 15911.

³¹ Падение царского режима, т. 7, стр. 150.

³² Биржевые ведомости, 15 ноября 1916 г., № 15925.

³³ Красный архив, 1933, № 1(56), стр. 118—121.

³⁴ Утро России, 13 ноября 1916 г., № 317.

³⁵ Особый журнал Совета министров. 18 ноября 1916 г. ЦГИА, ф. 1276. он. 20, д. 122, лл. 103—104.

широким программам в той или другой области государственной деятельности».³⁶

Тем не менее у Трепова были известные шансы на успех. Некоторые члены блока в Государственном совете выступали за сотрудничество с Треповым.³⁷ Другие представители правой части блока были более сдержанны. Националисты высказывались за выжидательную позицию и параллельную работу Думы и правительства. При этом они положительно оценивали самого Трепова. Шульгин говорил, что премьером назначен «не предатель, не распутинец, не взяточник, человек, к делу способный»,³⁸ а А. И. Савенко восхищался «сильной личностью» Трепова, сравнивая его со Столыпиным. Готовность удовлетвориться частичными уступками Трепова выражали земцы-октябристы.³⁹

Левые октябристы и кадеты внутри блока и оказавшиеся с ноября вне его прогрессисты в основном были неудовлетворены совершившимися переменами. Тем не менее боясь чрезмерной непримиримостью толкнуть правое крыло блока в объятия Трепова, кадеты согласились с тем, что если кабинет будет очищен от «темных сил» (т. е. если будет удален Протопопов), то правое крыло блока будет вести параллельную работу с правительством, а кадеты, заявив в Думе о сохранении своих прежних взглядов, подчинятся дисциплине блока.⁴⁰

Трепов мог также рассчитывать на определенную поддержку буржуазии вне Думы. Наиболее важной для Трепова была позиция петроградской финансовой олигархии. Здесь большую активность проявил связанный с банковскими кругами лидер фракции центра Думы П. Н. Крупенский, близкий к придворным кругам. Он выступил учредителем клуба «Экономическое возрождение России». Хотя формальное учреждение клуба относилось к весне, действительное его открытие состоялось 6 ноября, причем деньги для этого были получены Крупенским от Трепова.⁴¹ В своей речи при открытии клуба Крупенский говорил, что целью его является сближение власти, промышленников и сельских хозяев. На открытии клуба присутствовали министры, многие члены Государственного совета и Думы, а в совет его были избраны бывшие министры А. В. Кривошеин и князь Н. Б. Щербатов, член Государственного совета граф Д. А. Олсуфьев и представители банковского мира — А. И. Путилов, Е. Г. Шайкевич, Я. И. Утиц, А. И. Вышнеградский, И. Х. Озеров и др.⁴² Клуб

³⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия пятая. Пгр., 1916, стлб. 251—258.

³⁷ Красный архив, 1933, № 1(56), стр. 122.

³⁸ Там же, стр. 124.

³⁹ Речь, 12 ноября 1916 г., № 312.

⁴⁰ Информационная записка 6 ноября 1916 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1916 г., д. 307А, т. 3, ч. 2, лл. 93—96.

⁴¹ Падение царского режима, т. 4, стр. 33.

⁴² Речь, 7 ноября 1916 г., № 307.

привлек к себе большое число членов из верхов буржуазии и землевладельцев. К середине декабря число членов клуба достигло 900 человек.⁴³

Если, таким образом, правое крыло блока в своем стремлении к компромиссу с Треповым отражало настроения как дворянских, так и определенных буржуазных кругов, то даже оно, а тем более кадеты не могли не считаться и с другой тенденцией, с активизацией тех кругов буржуазии (а особенно интеллигенции), которые в своей оппозиционности обгоняли Думу и блок и критиковали их слева. В такой обстановке блок должен был настаивать на принятии определенного минимума своих требований как условия соглашения с Треповым. Таким условием была отставка Протопопова.

Между тем события в правящем лагере развивались в сторону, противоположную той, о которой мечтала буржуазная оппозиция. В первый момент после падения Штюмера Николай был готов пожертвовать и Протопоповым и просил Александру не вмешивать Распутина в вопрос о составе правительства. «Ответственность несу я, — рискнул напомнить он, — и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе».⁴⁴ По слухам, дошедшим до Протопопова, Николай даже подписал было его отставку.⁴⁵ Неуверенность Протопопова в своем положении дошла до того, что 14 или 15 ноября он наведывался к октябристу Савичу узнать, что слышно о переменах в Министерстве внутренних дел.⁴⁶ Но усилия Трепова и министра юстиции А. А. Макарова, добивавшихся отставки Протопопова и некоторых других членов кабинета,⁴⁷ натолкнулись на упорное противодействие Александры и Распутина. Александра просила Николая не смещать Протопопова и самым бурным образомотреагировала на попытку царя высвободиться из-под влияния Распутина. «Ах, милый, — писала она, — я так горячо молю бога, чтобы он просветил тебя, что в Нем (Распутине, — В. Д.) наше спасение: не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас Своими молитвами, мудрыми советами. Он — наша опора и помощь».⁴⁸ Заступаясь за Протопопова, Александра подчеркивала, что речь идет о принципе самодержавия: «Помни, что дело не в Протоп. или *х*, *у*, *з*. Это — вопрос о монархии и твоём престиже, которые не должны быть поколеблены во время сессии Думы. Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а за тем и нас самих... Снова повторяю, что тут дело не в Прот., а в том, чтоб ты был тверд и

⁴³ Финансовая газета, 19 декабря 1916 г., № 381.

⁴⁴ Переписка Романовых, т. 5, стр. 146.

⁴⁵ Падение царского режима, т. 4, стр. 30.

⁴⁶ Утро России, 16 ноября 1916 г., № 320.

⁴⁷ Падение царского режима, т. 1, стр. 176.

⁴⁸ Переписка Романовых, т. 5, стр. 149—150.

не уступал — „царь правит, а не Дума“». ⁴⁹ 12 ноября Александра выехала в Ставку и вплоть до 4 декабря не отпускала Николая от себя, чтобы не допустить посторонних влияний.

Со своей стороны Распутин поддерживал самодержавные принципы Николая, на которые воздействовала Александра. Распутин посылал в Ставку для передачи царской чете телеграммы, в которых писал: «Ваш корабль и никто не имеет власти на него сести», «Верьте, не убойтесь страха, словно языцы. Сдайте не свое маленькому в целости, как от Отца получил, так и его сын получит». ⁵⁰ На Распутина не произвела большого впечатления направленная против него на шумевшая речь Пуришкевича в Думе 19 ноября, и он продолжал советовать не считаться с настроением страны: «Надо, — телеграфировал он в Ставку дворцовому коменданту В. Н. Воейкову, близкому к Николаю, — быть сплоченными друзьями. Хоть маленький кружок, да единомышленники, а их много, да разбросаны силы». ⁵¹

Выступления против «темных сил» (речи Пуришкевича и В. А. Бобринского в Думе, а затем резолюции Государственного совета 22 ноября и дворянского съезда 1 декабря) дали Трепову повод вновь усилить давление на Николая, добиваясь отставки Протопопова. В докладе Николаю он объяснял холодную встречу правительственной декларации в Думе неприязню депутатов к Протопопову ⁵² и даже сумел заставить Протопопова поехать к Николаю с просьбой об отставке. Николай, однако, отверг теперь возможность ухода Протопопова, не желая уступать Думе. ⁵³ Видимо, не имели под собой реального основания слухи о том, что в конце ноября Николай был склонен пойти на соглашение с Думой, хотя эти слухи были широко распространены. 4 декабря, уезжая вновь в Ставку, Николай обещал Александре «стать резким и ядовитым». ⁵⁴

Сторонники соглашения с правым крылом оппозиции думали, что все еще поправимо, если царь согласится дать ответственное министерство, а единственным препятствием на пути к этому они считали влияние Александры и Распутина. «Пока книга не будет уничтожена и Валиде укрощена, ничего сделать нельзя» — писала З. Н. Юсупова своему сыну Феликсу, подразумевая под «книгой» Распутина, а под «Валиде» Александру. ⁵⁵ Стремясь убрать Распутина с дороги, Трепов пытался откупиться от него, предложив 200 тыс. руб. за то, чтобы он не вмешивался

⁴⁹ Там же, стр. 153.

⁵⁰ Былое, 1917, № 5—6, стр. 229, 230.

⁵¹ Там же.

⁵² Докладная записка Трепова, 26 ноября 1916 г. ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 7, лл. 412—413.

⁵³ Падение царского режима, т. 4, стр. 17.

⁵⁴ Переписка Романовых, т. 5, стр. 158.

⁵⁵ Красный архив, 1926, № 1(14), стр. 236.

в политику.⁵⁶ В это же время оформился заговор с целью убийства Распутина.

Непосредственными участниками заговора были великий князь Дмитрий Павлович, представитель высшей российской знати Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон, женатый на родственнице Николая — дочери Александра Михайловича Ирине, Пуришкевич, капитан Сухотин и врач из санитарного поезда Пуришкевича Лазаверт. По словам кадета В. А. Маклакова, которого Юсупов и Пуришкевич посвятили в свои планы, Дмитрий Павлович был рад отказу Маклакова принять непосредственное участие в убийстве, считая необходимым, чтобы оно осталось делом рук «истинных монархистов», не допускающим превратного толкования.⁵⁷ Однако круг лиц, знавших о предстоящем убийстве, был достаточно широк. О нем (через Маклакова) знал Милюков и, возможно, ряд других кадетов. Пуришкевич рассказал о нем Шульгину, отказавшемуся принять участие в заговоре.⁵⁸ Он же намекнул о предстоящем убийстве Сэмюэлю Хору, представителю английской разведки в России.⁵⁹ По-видимому, и среди императорской семьи не только Дмитрий Павлович был посвящен в планы убийства. Во всяком случае заслуживает внимания дошедший до Александры слух, будто Николай Николаевич собирался 17 декабря снова приехать в Ставку.⁶⁰

В ночь с 16 на 17 декабря заговорщики заманили Распутина к Юсупову и убили. Убийство Распутина не дало и не могло дать того эффекта, на который рассчитывали его организаторы. Хотя Александра была потрясена его смертью, она продолжала отстаивать прежний политический курс. Она и Протопопов начали создавать вокруг Распутина ореол «мученика».

В то же время сразу после его убийства начали выдвигаться претенденты на его место. 20 декабря в петроградских салонах снова появился сошедший было со сцены юродивый «Вася-босоножка»,⁶¹ а в январе из Калужской губернии был вновь выпущен косноязычный старец Коляба (Митя из Козельска), который пользовался громкой известностью в 1905—1906 гг.⁶² Тогда же Протопопов попытался выписать из-за границы своего старого знакомого хироманта Шарля Перрена, который тоже предназначался на роль заместителя Распутина.⁶³

⁵⁶ Падение царского режима, т. 2, стр. 60—61.

⁵⁷ В. А. Маклаков. Необходимые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина. Современные записки, т. XXXIV, Париж, стр. 275—276.

⁵⁸ В. В. Шульгин. Дни. Л., 1925, стр. 83.

⁵⁹ S. Hoare. The Fourth Seal. The end of russian chapter. London, 1930, p. 68.

⁶⁰ Переписка Романовых, т. 5, стр. 189.

⁶¹ Русская воля, 22 декабря 1916 г., № 8.

⁶² Русские ведомости, 12 января 1917 г., № 9.

⁶³ Выписка из протокола допроса С. А. Соколова 30 июля 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, л. 64.

Николай не решился на суровые меры против убийц. Пуришкевич успел сразу же уехать на фронт и был вообще не тронут, Юсупов был выслан в свое имение, а Дмитрий Павлович — в действующую армию в Персию. Стремясь избавить Дмитрия Павловича и от этого наказания, а кроме того, еще раз попытаться оказать давление на Николая, члены императорского дома решили выступить с коллективным письмом. К совещаниям был привлечен и Родзянко, с которым и раньше поддерживался контакт через Николая Михайловича,⁶⁴ однако какого-либо активного участия в развернувшихся событиях Родзянко не принял.⁶⁵ Между 24 и 29 декабря было выработано письмо великих князей Николаю. Не подписавший его Александр Михайлович написал особое письмо, которое, впрочем, решил вручить лишь в феврале.⁶⁶ Слухи о совещаниях, проходивших во дворце Марии Павловны, тогда же стали широко циркулировать в Петрограде.

Французский посол М. Палолог, посетивший Марию Павловну 28 декабря, описал напряженную атмосферу, царившую в ее дворце, и придал своему обмену репликами с ней такой вид, что создается впечатление, будто члены императорской семьи замыслили убийство то ли одной Александры, то ли и Николая.⁶⁷ Видимо, ближе к истине утверждения близкого к военным кругам члена Думы И. П. Демидова, говорившего позднее, что великие князья обсуждали план отстранения Александры с помощью гвардейских частей, которые должен был привести Дмитрий Павлович. Дмитрий не согласился сделать это, и план был оставлен.⁶⁸

Великокняжеская фронда была пресечена Николаем. Вслед за ссылкой в Персию Дмитрия был отправлен (1 января 1917 г.) в свое имение Николай Михайлович, а Кирилл выслан из Петрограда под благовидным предлогом. Во второй половине января уехал из столицы и Андрей Владимирович.⁶⁹

Тем не менее попытки добиться соглашения с оппозицией и воздействовать в этом духе на Николая продолжались. Кривошеин, Бобринский и главноуправляющий Собственной канцелярией Николай А. С. Танеев вели в январе переговоры с представителями блока, выясняя приемлемые для них условия соглашения с правительством и его состав.⁷⁰ Возможно, в связи

⁶⁴ Переписка Романовых, т. 5, стр. 143.

⁶⁵ С. Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931, стр. 141.

⁶⁶ Красный архив, 1928, № 1(26), стр. 191—192; Николай II и великие князья, стр. 117—122.

⁶⁷ М. Палолог. Царская Россия накануне революции. М.—Пгр., 1923, стр. 294—297.

⁶⁸ Последние новости (Париж), 3 сентября 1924 г., № 1336.

⁶⁹ Красный архив, 1928, № 1(26), стр. 192, 194.

⁷⁰ Информационная записка, б. д., до 14 февраля 1917 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1917 г., д. 307А, лл. 88—91.

с этими встречами вся буржуазная пресса заговорила около 20 января о предстоящей очередной реорганизации кабинета с назначением премьером либо Бобринского, либо Трепова, причем из кабинета должны были якобы быть удалены самые непопулярные министры. В случае создания кабинета Бобринского в него, будто бы, должны были войти некоторые наиболее умеренные общественные деятели, в числе которых называли видного московского промышленника Г. А. Крестовникова.⁷¹ К 25 января толки о новом правительстве прекратились. В феврале разговоры о возможности соглашения с блоком вели с Шульгиным Игнатьев и бывший товарищ министра внутренних дел князь Волконский.⁷²

Поскольку члены императорской семьи были скомпрометированы участием в убийстве Распутина и в составлении коллективного письма Николаю, для новых попыток убедить царя в необходимости уступок был опять выдвинут Клопов, которому была 29 января устроена аудиенция. Во время этой аудиенции и в ряде писем, переданных Николаю между 19 января и 13 февраля, Клопов выдвигал идею о необходимости создания ответственного министерства, немедленного созыва Думы и провозглашения амнистии. В письме от 7 февраля в качестве подходящего кандидата в премьеры ответственного министерства был назван Г. Е. Львов.⁷³ Тексты всех писем Клопова и план его разговора с Николаем были согласованы с Михаилом Александровичем.⁷⁴ Одновременно Клопов по-прежнему поддерживал связь с Львовым, который явно участвовал в разработке плана действий Клопова,⁷⁵ а Михаил встречался с Родзянко.⁷⁶ Возможно, по согласованию с Михаилом Родзянко организовал в январе—феврале кампанию выступлений дворянства в поддержку требований прогрессивного блока.⁷⁷ Эта кампания завершилась 9 и 10 февраля передачей московским предводителем дворянства Базилевским адреса московских дворян Николаю и аудиенцией Родзянко, из которой он вынес впечатление, что «никакие слова, ни убеждения не могут больше действовать».⁷⁸

⁷¹ Утро России, 19 января 1917 г., № 19.

⁷² В. В. Шульгин. Дни, стр. 90.

⁷³ Письма Клопова Николаю 19 и 29 января, 6, 7 и 13 февраля 1917 г. ЦГИА, ф. 1099, оп. 1, д. 15, лл. 1—3, 8—9, 12—13, 18—22 и 24—25; Конспект разговора Николая и Клопова 29 января 1917 г. Там же, д. 20, лл. 1—4.

⁷⁴ Клопов — Михаилу Александровичу, 19 января и 7 февраля 1917 г. ЦГИА, ф. 1099, оп. 1, д. 3, лл. 1, 2.

⁷⁵ Телеграммы Львова — Клопову, 19 января и 10 февраля 1917 г. ЦГИА, ф. 12564, оп. 1, д. 73, лл. 362, 390.

⁷⁶ М. В. Родзянко. Крупные империи. Л., 1929, стр. 208—209.

⁷⁷ Для организации этой кампании Родзянко устроил 4 января совещание с руководителями дворянства А. Д. Самариним и П. А. Базилевским. Во время совещания к нему приезжал Михаил (Дневник Базилевского. РО ГБЛ, ф. 15, п. IV, ед. хр. 1, лл. 78—80).

⁷⁸ Красный архив, 1926, № 1 (14), стр. 245—246.

Настойчивые попытки сторонников соглашения с блоком воздействовать на Николая не увенчались успехом, но и среди тех, кто выступал против компромисса с думской оппозицией, также не было единства. В течение долгого времени основой концепции Протопопова была недооценка революционной ситуации в стране. Протопопов считал, что все дело в действиях сравнительно небольшой группы людей (человек в 300) и что, уняв их, он сможет предотвратить революцию.⁷⁹ В связи с заметкой одной из газет, радовавшейся выступлению дворянского съезда против «темных сил», Протопопов написал на полях обзора печати: «Вся эта оппозиция выросла на ниве расстройств продовольственной части и тягот военных. Число ее вожжаков невелико. Выразители ее — Дума, частица Государственного совета и группа дворян (далеко не все, не купечество, не капитал, не деревня)... Власть сильнее оппозиции и должна в это верить, тогда поверят и другие».⁸⁰ Говоря о слабости оппозиции Протопопов был прав. Но он полагал, что и рабочее движение направляется вождями этой оппозиции, и потому надеялся, усмирив либеральную оппозицию, тем самым «оттянуть революцию».⁸¹

Из этих представлений исходил план действий Протопопова — проведение (или, вернее, провозглашение) ряда реформ, способных укрепить лояльные элементы, преследование политических выступлений буржуазных организаций и самоуправлений, опора на черносотенные организации. Основными элементами программы реформ Протопопова были привлечение крупного капитала к более значительному участию в следующей Думе, предоставление свободы торговли и отмена ограничений для евреев.⁸² Кроме того, он планировал перевести духовенство на государственное жалование,⁸³ что в еще большей степени сделало бы его опорой правительственной политики, а также думал вернуться к идее наделения крестьян-фронтовиков за счет земель немецких колонистов и Крестьянского банка⁸⁴ (этот план обсуждался весной 1915 г. по инициативе Кривошеина). В январе 1917 г. в печати появились слухи о том, что Протопопов внес предложение провести более широкую земельную реформу на основе «принудительного отчуждения по справедливой оценке» помещичьих земель. Этот план расценивался прежде всего как средство принудить фрондирующее дворянство.⁸⁵ Сам

⁷⁹ Протокол допроса А. И. Оноприенко. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 447, л. 10.

⁸⁰ Доклад комиссара Временного правительства над Министерством двора в Чрезвычайную следственную комиссию 4 мая 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 450, л. 46.

⁸¹ Падение царского режима, т. 4, стр. 6.

⁸² Там же, т. 1, стр. 113, 116, 120.

⁸³ Там же, стр. 173.

⁸⁴ Там же, т. 4, стр. 84—85.

⁸⁵ Русское слово, 25 января 1917 г., № 20.

Протопопов утверждал позднее, что Николай дал согласие на составление закона о земельной реформе такого типа для трех прибалтийских губерний.⁸⁶ В конце декабря 1916 г. Протопопов предложил Николаю свой план введения вместо парламентской ответственности министров, которой добивалась оппозиция, их «судебной ответственности» не только за незаконные, но и за нецелесообразные действия, причем Думе предоставлялось право возбуждать требование о такой ответственности. Этот план сохранял нетронутыми принципы самодержавия, поскольку дела о нецелесообразности действий министров должны были бы рассматриваться в особом «верховном судилище», назначенном царем, а решения этого «судилища» могли быть царем отменены.⁸⁷

Понимая, что его предложения о реформах встретят противодействие в правых кругах, и стремясь представить эти предложения как «голос масс», Протопопов инспирировал выступление московского Отечественного патриотического союза,⁸⁸ лидер которого — Орлов был к нему близок. 25 января Отечественный союз представил Протопопову записку о политическом положении, которую тот через Вырубову переслал Александре.⁸⁹ В записке выдвигались идеи Протопопова об опоре на «независимый и состоятельный торговый класс» и о необходимости привлечения на сторону правительства еврейской буржуазии, для чего предлагалось уравнивать ее в имущественных правах с буржуазией православного вероисповедания.⁹⁰

Меры борьбы с политическими выступлениями оппозиционных лидеров включали, по мысли Протопопова, прежде всего роспуск Думы, поскольку в новой Думе Протопопов рассчитывал получить «благонадежное (консервативное) большинство».⁹¹ Практические шаги по подготовке выборов в новую Думу предпринимались Протопоповым начиная с октября 1916 г., но особую активность он проявил в декабре, в частности разослав губернаторам циркуляр о предоставлении сведений о составе избирателей и о возможных результатах выборов.⁹² Второй составной частью борьбы с оппозицией были меры по пресечению ее выступлений в местных самоуправлениях. 11 января Протопопов разослал циркуляр, требуя от органов Министерства внутренних дел на местах не допускать постановки на земских собраниях и в городских думах политических вопросов, немедленно доно-

⁸⁶ «Предсмертная записка» Протопопова. Голос минувшего на чужой стороне, 1926, № 2, стр. 180.

⁸⁷ Там же, стр. 186—187.

⁸⁸ Падение царского режима, т. 4, стр. 489.

⁸⁹ Там же, т. 1, стр. 164—165; т. 2, стр. 277.

⁹⁰ Новое время, 7 февраля 1917 г., № 14701.

⁹¹ Падение царского режима, т. 4, стр. 60.

⁹² Там же, т. 2, стр. 293.

силь в МВД о каждом случае, когда такие вопросы все же будут поставлены, и привлекать виновных в этом городских голов к судебной ответственности.⁹³ Наконец, Протопопов стремился усилить нажим на земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты, используя для этого продовольственный вопрос, сокращая государственные ассигнования, лишая служащих союзов отсрочек по военной службе и ведя агитацию, направленную против буржуазных организаций и в защиту самодержавия.

Важная роль в такой агитации отводилась черносотенным группам. В первый момент после назначения Протопопова черносотенцы испугались его «либеральной» репутации. Но Протопопов заверил их в том, что он продолжит традиционную политику Министерства внутренних дел и будет субсидировать организации монархистов. В дальнейшем один из лидеров Союза русского народа Г. Г. Замысловский признавал, что ни он, ни Н. Е. Марков 2-й не могут в этом смысле пожаловаться на Протопопова.⁹⁴ Узнав о благоприятном впечатлении, произведенном на Александре верноподданнической телеграммой астраханского монархиста Тихановича-Савицкого, Протопопов решил организовать целый поток таких телеграмм, чтобы подкрепить свои утверждения о лояльности основных масс населения. С этой целью Протопопов обратился опять к Отечественному союзу Орлова, местные отделы которого получили указание слать телеграммы по образцу, разработанному полицейскими специалистами — Белецким и генералом Комиссаровым.⁹⁵ Эта кампания верноподданнических выступлений черносотенных групп, представивших только самих себя, лишь усугубляла положение царизма, порождая у самих ее инициаторов иллюзию «массовой» поддержки и мешая оценить всю глубину революционного кризиса.

Правые в Государственном совете, группиовавшиеся вокруг кружка Римского-Корсакова и вокруг Н. Маклакова, бывшего министра внутренних дел, который с осени 1916 г. снова приобретал все большее влияние при дворе, сходились с Протопоповым в ненависти к Думе и в недооценке революционного настроения широких масс. Н. Маклаков был, по его словам, «совершенно уверен в том, что в низших слоях... совершенно патриархальный взгляд на дело».⁹⁶ Поэтому он тоже, подобно Протопопову, убеждал Николая, что «внутренняя смута сильна не собой, она сильна слабостью и нерешительностью власти, неизменно упускающей дорогое время бесповоротно и не имеющей

⁹³ Циркуляр Министерства внутренних дел, 11 января 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 782, лл. 14—16.

⁹⁴ Падение царского режима, т. 4, стр. 484—485.

⁹⁵ Там же, стр. 486—487.

⁹⁶ Там же, т. 3, стр. 93.

для борьбы веры в себя и в свои права».⁹⁷ Но правые с подозрением и неприязнью относились к проектам Протопопова о земельной реформе и об отмене ограничений для евреев.⁹⁸ Кроме того, они выступали не за расширение, хотя бы фиктивное, прав Думы (судебная ответственность министров), а за их сужение, за превращение Думы в законосовещательный орган.

Еще в сентябре приезжавший в Петроград бывший председатель Совета министров И. Л. Горемыкин советовал вообще не созывать Думу.⁹⁹ В конце премьерства Штюмерера член кружка Римского-Корсакова М. Я. Говорухо-Отрок составил записку, в которой предложил план мероприятий, направленных на подавление революционного движения и усмирение буржуазной оппозиции.¹⁰⁰ Говорухо-Отрок рекомендовал назначить на все важнейшие посты людей, «не только известных своей издавна засвидетельствованной преданностью единой царской самодержавной власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией». Эти люди должны придерживаться взгляда, что «никакая иная примирительная политика невозможна». В записке предлагалось распустить Думу без указания срока нового созыва и предупредить о предстоящем превращении ее из законодательной в законосовещательную, закрыть левую (имелась в виду буржуазная) прессу и содействовать усилению правых газет, назначить правительственных комиссаров во все общественные учреждения «для совершенного пресечения революционной пропаганды», обновить состав Государственного совета, усилив в нем правую группу, и принять меры против «выступлений революционной толпы». Записка эта была передана Штюмереру для представления Николаю. То ли сочтя ее несвоевременной, то ли решив предложить упомянутые в ней меры от своего имени, Штюмерер не передал записки, вызвав этим раздражение правой камариллы. В связи с этим записка была вручена князю Н. Д. Голицыну, заместителю Александры по комитету помощи военнопленным, который и пе-

⁹⁷ Н. Маклаков — Николаю, 21 декабря 1916 г. ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 1288, лл. 10—11.

⁹⁸ Русское слово, 11 февраля 1917 г., № 34.

⁹⁹ Информационная записка, 6 ноября 1916 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1916 г., д. 307А, т. 3, ч. 2, лл. 37—38.

¹⁰⁰ Эта записка была опубликована в книге А. А. Блока «Последние дни императорской власти» (Пгр., 1921) как записка, вышедшая из кружка Римского-Корсакова. Автора записки Блок не указывал, поскольку он не был известен С. П. Белецкому, со слов которого устанавливались ее происхождение и дальнейшая судьба (см.: Падение царского режима, т. 3, стр. 407; т. 4, стр. 382; т. 5, стр. 247). Говорухо-Отрока считают обычно автором только примечания к пункту 2-му этой записки, но, как видно из показаний Н. А. Маклакова, весь текст и записки и примечания принадлежал Говорухо-Отроку (там же, т. 5, стр. 286—289).

редал ее Александре. Когда именно это произошло, к сожалению, неизвестно.¹⁰¹

Видимо, в конце декабря в кружке Римского-Корсакова была выработана другая записка, содержавшая предложения правых по борьбе с оппозицией. 15 января Римский-Корсаков передал ее Протопопову. Записка была разослана и другим видным деятелям правящих кругов. В записке предлагалось пересмотреть законы о Государственной думе, произвести чистку государственного аппарата от недостаточно надежных людей, усилить правое крыло Государственного совета, направить все силы «к водворению порядка и спокойствия в стране», для чего поддерживать правую и преследовать буржуазную прессу, ослабить земский и городской союзы, усилить полицию и т. п.¹⁰² Сходные меры предлагались и в записке, составленной черносотенным членом Государственной думы Митроцким от имени «православных русских кругов Киева». Передавая ее 14 января Николаю, председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, один из крупнейших лидеров правых, характеризовал записку «как новое доказательство того, что истинные сыны нашей родины мыслят вовсе не так, как о том от имени всей страны решаются докладывать вашему величеству многие лица».¹⁰³ 16 января Н. Маклаков передал Николаю записку Говорухо-Отрока.¹⁰⁴ За изменение правил выборов в Думу и превращение ее в сословную высказывался Марков 2-й.¹⁰⁵

Следует отметить, что позиция Говорухо-Отрока отличалась от взглядов его коллег по Государственному совету. К своей осенней записке он приложил объяснение к пункту 2, касавшему роспуска и реформы Думы. В отличие от Маклакова, Римского-Корсакова и Протопопова Говорухо-Отрок видел основную опасность не в Думе и либеральной оппозиции, а в народном движении. Но Говорухо-Отрок считал бессмысленными попытки сговориться с буржуазной оппозицией, ибо «эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь же кратковременно, сколь и непрочное». Уступки либеральной оппозиции Говорухо-

¹⁰¹ В своих показаниях Белецкий говорил, что Голицын передал записку Александре в последние дни премьерства Штюгмера, т. е. в ноябре (Падение царского режима, т. 5, стр. 248). В переписке Николая и Александры нет, однако, никаких намеков на то, что Александрой было получено что-либо подобное, а по словам Маклакова, Говорухо-Отрок и в январе 1917 г. считал, что его записка не дошла до Николая (там же, стр. 287).

¹⁰² Записка Римского-Корсакова. Красный архив, 1927, № 1(20), стр. 242—244.

¹⁰³ «Записка, достойная внимания». Красный архив, 1926, № 5(18), стр. 207—210.

¹⁰⁴ Падение царского режима, т. 5, стр. 286. — Дата передачи установлена по дневнику Николая (Красный архив, 1927, № 1(20), стр. 129).

¹⁰⁵ Красный архив, 1927, № 1(20), стр. 242.

Отрок считал началом необратимого процесса полевения страны. Поэтому, несмотря на отличие в исходной точке рассуждений Говорухо-Отрока, вывод его совпадал с общим мнением правых — восстановление самодержавия в полном его объеме.¹⁰⁶

В последние месяцы существования монархии курс царского правительства все больше поворачивал вправо и позиции сторонников компромисса с оппозицией становились все более слабыми. В особенности усилило реакционные тенденции в правительственной политике убийство Распутина. Судьба Трепова была решена еще до этого убийства. 14 декабря Николай писал: «Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и не доверяешь, как Треп. Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом вытолкать его, — после того, как он сделает грязную работу. Я подразумеваю — дать ему отставку, когда он закроет Думу. Пусть вся ответственность и все затруднения падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его место».¹⁰⁷

Сразу же после убийства Распутина Николай утвердил Протопопова, числившегося до того управляющим Министерством внутренних дел, министром внутренних дел, подчеркнув этим прочность его положения, и уволил в отставку ближайшего союзника Трепова — Макарова, назначив на его место распутинского ставленника Н. А. Добровольского. Комментируя отставку Макарова и обыгрывая его знаменитую фразу «так было и так будет», газета «Утро России» писала, что отставка этого реакционера, оказавшегося теперь недостаточно реакционным, показывает, что «видимо, так, как будет, никогда еще не было».¹⁰⁸ В последних числах декабря, пытаясь укрепить свои позиции, Трепов предпринял новую попытку добиться соглашения с блоком,¹⁰⁹ но потерпел неудачу. 27 декабря Трепов и Игнатьев ушли в отставку. Новым, последним премьером царского Совета министров был назначен князь Н. Д. Голицын, прямой ставленник Александры.¹¹⁰ Вся оппозиционная пресса расценила изменения в составе Совета министров как «поворот направо кругом», как такое изменение политического курса, в результате которого «вырисовываются все явственнее контуры доконституционного прошлого».¹¹¹

1 января 1917 г. был опубликован указ об изменении состава Государственного совета. Этого изменения различные представители правых добивались в течение последних месяцев 1916 г.

¹⁰⁶ А. А. Блок. Последние дни императорской власти. Пгр., 1921, стр. 126—139.

¹⁰⁷ Переписка Романовых, т. 5, стр. 192.

¹⁰⁸ Утро России, 22 декабря 1916 г., № 356.

¹⁰⁹ Информационная записка, б. д., до 14 февраля 1917 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1917 г., д. 307А, лл. 88—91.

¹¹⁰ Падение царского режима, т. 4, стр. 25.

¹¹¹ См., например: Речь, 28 декабря 1916 г., № 356.

Еще в октябре Протопопов подавал Александре записку, в которой указывал, что в правом крыле Государственного совета не хватает 10—15 голосов для большинства.¹¹² Записку Николаю о необходимости перемен в Государственном совете подавал в декабре Бадмаев.¹¹³ Круги правых передавали свои предложения через Распутина, который, однако, сомневался в результатах задуманной операции, заявляя, что «правые тоже дураки. Все равно они ничего не сделают».¹¹⁴ Окончательный список новых членов Государственного совета был составлен в соответствии с пожеланиями Щегловитова,¹¹⁵ ставшего в конце декабря—начале января сильнейшей фигурой в правительственных сферах и назначенного председателем Государственного совета вместо «недостаточно твердого» Куломзина. Из состава Гос. Совета было выведено 8 членов группы центра, 4 правых (не посещавших заседаний по глубокой дряхлости) и 4 беспартийных. Вместо них были назначены исключительно правые деятели.¹¹⁶ В результате новых назначений правые и нейдгартцы располагали большинством в верхней палате.

Первые же шаги правительства Голицына подчеркнули усиление крайне правых тенденций. 3 января Совет министров решил отложить очередную сессию Думы, открытие которой намечалось на 12 января. При этом большинство министров высказалось за отсрочку до 31 января, а «распутинская группа» (Протопопов, Добровольский, Раев, Кульчицкий) — до 14 февраля.¹¹⁷ Смысл отсрочки был несколько прикрит опубликованием рескрипта Николая 6 января на имя Голицына о ближайших задачах правительства, в котором содержалась традиционная фраза о «благожелательном, прямом и достойном» отношении к Думе.¹¹⁸ Но за этим рескриптом последовали возвращение А. А. Катенина на пост председателя комитета по делам печати (он был смещен с этого поста в период уступок Думе в 1915 г.), высылка А. Амфитеатрова за фельетон против Протопопова,¹¹⁹ предупреждение о судебной ответственности гласных городских дум за внесение политических резолюций.¹²⁰

С середины января активизируется деятельность правящих кругов по подготовке вооруженного подавления революционных выступлений. Представив Николаю упоминавшийся в начале

¹¹² Падение царского режима, т. 2, стр. 309.

¹¹³ Памятная записка Бадмаева, 26 декабря 1916 г. В кн.: За кулисами царизма, Л., 1925, стр. 35—36.

¹¹⁴ Падение царского режима, т. 2, стр. 59.

¹¹⁵ Там же, т. 4, стр. 458.

¹¹⁶ Речь, 1 и 14 января 1917 г., №№ 1 и 12.

¹¹⁷ Памятная записка И. Н. Лодыженского о заседании Совета министров 3 января 1917 г. Былое, 1919, № 15, стр. 7.

¹¹⁸ Речь, 8 января 1917 г., № 7.

¹¹⁹ Русские ведомости, 7 февраля 1917 г., № 30,

¹²⁰ Там же, 8 февраля 1917 г., № 31.

статьи план подавления революционных выступлений в Петрограде, Протопопов сразу же стал добиваться выделения столицы в особый военный округ, не подчиненный Северному фронту, чтобы сделать командующего округом генерала Хабалова независимым от генерала Рузского, которому Протопопов не доверял.¹²¹ По его настоянию Верховный военный совет 3 февраля вывел Петроградский округ из подчинения Северному фронту.¹²²

С самого начала составной частью политики Протопопова было стремление изолировать буржуазную оппозицию от народных масс. Считая, что «связующим звеном между революционно настроенным рабочим населением и оппозицией» служит рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете,¹²³ Протопопов с января 1917 г. усилил преследования этой группы. В начале января полиция потребовала от председателя ЦВПК А. И. Гучкова, чтобы ЦВПК сообщал о времени и месте заседаний рабочей группы,¹²⁴ собираясь поставить их под контроль. 6 января были арестованы члены рабочей группы Московского ВПК и ряд рабочих, присутствовавших на ее заседании. Члены группы были затем освобождены, а другие участники заседания оставлены под арестом.¹²⁵ После стачки 9 января полицейские власти переходят к более активным действиям. В середине января были арестованы члены рабочей группы при Самарском ВПК.¹²⁶ Протопопов приказал спешно представить материалы о деятельности рабочих групп.¹²⁷ В поисках компрометирующих данных полиция явилась 20 января на заседание рабочей группы ЦВПК и разогнала его.¹²⁸ В распоряжении Протопопова оказались сведения о том, что рабочая группа ЦВПК готовит демонстрацию ко дню открытия Думы 14 февраля. В связи с этим Протопопов добился от Совета министров решения об усилении борьбы против рабочих групп,¹²⁹ а затем согласия Николая на арест рабочей группы ЦВПК.¹³⁰ В ночь на 27 января большинство членов группы было арестовано, причем в официальном сообщении МВД группе было вменено в вину, что она «стала обращаться в центральную организацию по подготовке и осуществлению рабочего движения в империю».¹³¹

Сразу после ареста рабочей группы Николай через Протопопова (и, вероятно, не без его совета) поручил Н. Маклакову со-

¹²¹ Падение царского режима, т. 4, стр. 93.

¹²² Речь, 7 февраля 1917 г., № 36.

¹²³ Падение царского режима, т. 4, стр. 87.

¹²⁴ Речь, 6 января 1917 г., № 5.

¹²⁵ Русские ведомости, 9 января 1917 г., прил. к № 6.

¹²⁶ Там же, 17 января 1917 г., № 13.

¹²⁷ Там же, 18 января 1917 г., № 14.

¹²⁸ Там же, 21 января 1917 г., № 17.

¹²⁹ Русская воля, 28 января 1917 г., № 27.

¹³⁰ Падение царского режима, т. 4, стр. 88.

¹³¹ Речь, 30 января 1917 г., № 28.

ставить проект манифеста о роспуске Государственной думы.¹³² Маклаков с радостью принял поручение и воспользовался случаем, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость «не теряя ни минуты крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти». «Власть, — писал он, — больше, чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы это ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего».¹³³ 11 февраля Маклаков передал Николаю составленный им проект манифеста,¹³⁴ в котором Дума обвинялась в том, что она вместо «попечения о благе народном» «уклонилась в область политических стремлений и, на радость внешним врагам нашим, вступила в борьбу за власть с правительством, преисполненным искреннего желания дружной и совместной с ней работы». Выборы в новую Думу предполагалось отложить до декабря.¹³⁵

Явная реакционность внутриполитического курса царизма в последние месяцы перед Февральской революцией не подлежит сомнению. Однако в ней не было той целенаправленности и решительности, которые позволили бы характеризовать эту политику как «заговор царизма». Меры, намечавшиеся для подавления рабочего движения, не выходили за рамки традиционной карательной политики самодержавия. По отношению к буржуазной и думской оппозиции в правящих кругах так и не смогли выработать единой политики. Не даром 9 февраля Н. Маклаков все еще только призывал «обдумать весь план дальнейших действий».

Одобрив планы Протопопова на случай вооруженного подавления рабочих волнений и поручая Маклакову выработку манифеста о роспуске Думы, Николай, однако, стремился оттянуть решительное столкновение с оппозицией. Он поэтому сказал Маклакову, что манифест нужен ему лишь «на всякий случай»¹³⁶ и, действительно, не прибег к роспуску Думы, пойдя на созыв ее очередной сессии 14 февраля.

Все более отчетливо проявлялся развал власти. Важнейшая фигура правительства — Протопопов открыто игнорировал Совет министров, не принимая участия в его заседаниях и ведя закулисную политику.¹³⁷ Его коллеги платили ему тем же, demonstra-

¹³² Падение царского режима, т. 5, стр. 208.

¹³³ Н. Маклаков — Николаю, 9 февраля 1917 г. Монархия перед крушением, стр. 97—98.

¹³⁴ Н. Маклаков называл даты 9 и 11—12 февраля. В дневнике Николая встреча с Маклаковым записана под 11 февраля. (См.: Падение царского режима, т. 5, стр. 208, 287; Красный архив, 1927, № 1 (20), стр. 133).

¹³⁵ Проект манифеста о роспуске Думы. ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 1003, лл. 1—2.

¹³⁶ Падение царского режима, т. 5, стр. 208.

¹³⁷ Там же, т. 2, стр. 260.

тивно избегая участия в устраиваемых им официальных приемах. Министры уклонялись от работы в своих ведомствах, уходя в отпуск или сказываясь больными, поскольку для них становилось неясным, что именно они должны делать. Только А. А. Риттих, назначенный при Трепове министром земледелия вместо Бобринского, и Э. Б. Кригер-Войновский, сменивший Трепова в Министерстве путей сообщения, проявляли активность. Высшие чиновники министерств Юстиции и Просвещения считали своих министров временными людьми и избегали разработки крупных вопросов. В министерствах Финансов, Иностранных дел и Торговли ждали падения министров, а в Министерстве внутренних дел не знали, кому представлять доклады, так как и Протопопов, и его товарищи отказывались их принимать. Два товарища министра внутренних дел князь Волконский и Балъц вышли в отставку, не желая работать с Протопоповым. «Бюрократия, — констатировали «Русские ведомости», — теряет то единственное, чем она гордилась и в чем старалась найти искупление своим грехам — внешний порядок и формальную работоспособность».¹³⁸ Вслед за «министерской чехардой» создалась «губернаторская чехарда». Лишь 38 губернаторов и вице-губернаторов сидели на своих местах с довоенного времени. В 1914 г. были назначены 12, в 1915 г. — 33, за девять месяцев 1916 г. — 43 высших представителя власти в губерниях.¹³⁹ При этом губернаторы плохо осведомляли правительство о положении дел на местах, не желая сообщать о неблагополучии, им же ставившемся в вину.¹⁴⁰

Различия во взглядах, существовавшие между Протопоповым и правыми из Государственного совета, личные трения между ним, Н. Маклаковым и Щегловитовым, широко распространявшиеся оппозицией слухи о психическом расстройстве Протопопова, вели к постоянным столкновениям в камарилье. Наибольшие колебания в отношении к Протопопову испытывали националисты-балабашовцы, и вообще подумывавшие о тех путях выхода из кризиса, которые предлагала группа Трепова.¹⁴¹ Резкие разногласия между Союзом русского народа и Отечественным союзом еще больше усилились, когда Орлов выступил с протопоповским планом решения еврейского вопроса. Хулиганская выходка Маркова 2-го, который 22 ноября с думской трибуны назвал Родзянко болваном и мерзавцем,¹⁴² привела к расколу правой фракции Думы, из которой к 28 ноября вышло 35 человек.¹⁴³

¹³⁸ Русские ведомости, 5 января 1917 г., № 4.

¹³⁹ Речь, 3 января 1917 г., № 2.

¹⁴⁰ Дневник П. А. Вазилевского. РО ГБЛ, ф. 15, п. IV, ед. хр. 1, л. 73.

¹⁴¹ Информационная записка, 14 января 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 578, лл. 26—27.

¹⁴² Государственная дума. Сессия V, стлб. 370.

¹⁴³ Информационная записка, 28 ноября 1916 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1916 г., д. 307А, т. 3, ч. 2, л. 132.

В обстановке этого развала царские власти не справлялись даже со своими карательными функциями, не решаясь заткнуть рот оппозиции. Буржуазная пресса выступала со все более резкой критикой всей системы управления страной, обходя цензурные ограничения с помощью прозрачного для всех «эзоповского языка». 22 января орган Рябушинского «Утро России» выпустил специальный номер, посвященный обоснованию требования ответственного министерства, вообще не сдав его на просмотр в цензуру. Никакой кары за это не последовало. То, что не могло все же попасть на страницы печати, распространялось нелегально. «С ноября 1916 г., — отмечала охранка, — публика в широких размерах проявляет интерес к политиканству, удовлетворяя его не бледными сообщениями газет, а всевозможными литографированными («речи» депутатов) и рукописными „новостями“». ¹⁴⁴ Особенно широко распространялись речи Милюкова, Чхендзе и других в заседании 1 ноября, а затем речь Пуришкевича 19 ноября. К середине ноября экземпляры речи Милюкова были распространены вплоть до Поволжья, речь Пуришкевича через неделю стала известна в Курской губернии. За прочтение текста речи Милюкова в Петрограде брали по 3 руб., в провинции запретные речи продавались по 0.5—1 руб. за экземпляр, в связи с чем за их распространение взялся «промысловый люд», вставивший отсебятину, чтобы было «погорячее». ¹⁴⁵ Широкое распространение получил отчет о заседании 1 ноября и в армии. ¹⁴⁶ В светских салонах открыто ругали императрицу, и Александра не без оснований жаловалась, что «никто не заступает, не делает выговоров, не наказывает, не ссылает, не штрафует этих типов». ¹⁴⁷ Фактически, несмотря на отдельные эффектные жесты вроде изменения состава Государственного совета и арест рабочей группы ЦВПК, царское правительство в последние месяцы существования самодержавного режима уже не контролировало разрывания событий не только в «низах», но и в «верхах» российского общества. В. И. Ленин говорил позднее, что к концу февраля 1917 г. правительство Николая Романова отличалось «беспомощностью», «дикой растерянностью», «полной потерей головы». ¹⁴⁸

Если даже внутренняя политика царизма, где было много противоречивых планов отдельных лиц и групп, но не было единого плана действий правящих кругов, не подходит под определе-

¹⁴⁴ Сведения петроградского охранного отделения в связи с приездом союзных делегаций. Буржуазия накануне Февральской революции. Центрархив, М.—Л., 1927, стр. 125.

¹⁴⁵ Русские ведомости, 8 декабря 1916 г., № 283.

¹⁴⁶ А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. I. Париж, 1921, стр. 35—36.

¹⁴⁷ Переписка Романовых, т. 5, стр. 198.

¹⁴⁸ В. И. Ленин, ПСС, т. 37, стр. 152.

ние «заговора», то еще в меньшей степени можно отнести такое определение к его политике в вопросе о сепаратном мире.

Большое внимание вопросу о сепаратном мире уделял в свое время В. И. Ленин. При этом он тщательно различал объективные тенденции поворота от империалистической войны к империалистическому миру и конкретные слухи о тех или иных переговорах между Россией и Германией. В статье «О сепаратном мире», опубликованной 6 ноября 1916 г. в газете «Социал-демократ», В. И. Ленин отмечал, что «царизм предпочел бы, конечно, сначала вполне разбить Германию, чтобы „взять“ как можно больше, и всю Галицию, и всю Польшу, и всю Армению, и Константинополь, и „добить“ Австрию и т. д.». Но если, подчеркивал В. И. Ленин, царизм убедился, что победить Германию он не в состоянии, «тогда царизм *не может не искать мира с Германией*».¹⁴⁹ Поэтому В. И. Ленин с большим вниманием отнесся к сообщениям швейцарской газеты об идущих, якобы, в Швейцарии переговорах между Бюловым, Штюмером и Гирсом (русским послом в Италии). В то же время В. И. Ленин отмечал, что слухи эти «проверить по существу дела невозможно» и что «одинаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно».¹⁵⁰

Вернувшись к этой теме в январе 1917 г. в брошюре «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», В. И. Ленин перечислил объективные признаки поворота в мировой политике к империалистическому миру, в том числе «усиленные попытки Германии отколоть от ее главного империалистского соперника, Англии, *того или другого союзника*».¹⁵¹ Оценивая шансы заключения сепаратного мира между Германией и Россией, В. И. Ленин писал: «Смена Штюмера Треповым, публичное заявление царизма, что „право“ России на Константинополь признано всеми союзниками, создание Германией особого государства польского — эти признаки указывают как будто на то, что переговоры о сепаратном мире кончились неудачей».¹⁵² Высказав мысль, что могло иметь место тайное соглашение о мире, В. И. Ленин тут же подчеркнул, что «верно это предположение или нет, решить нельзя».¹⁵³ Наконец, в статье «Поворот в мировой политике», опубликованной 31 января 1917 г., В. И. Ленин вновь высказал мысль о возможности тайного соглашения, снова оговорив, что было ли оно заключено в действительности «знать нельзя», но что

¹⁴⁹ Там же, т. 30, стр. 188, 190.

¹⁵⁰ Там же, стр. 184.

¹⁵¹ Там же, стр. 241 (курсив наш, — В. Д.).

¹⁵² Там же, стр. 242.

¹⁵³ Там же, стр. 243.

для общей оценки международного положения это и несущественно, ибо ничего не меняет в объективном ходе развития событий.¹⁵⁴ В. И. Ленин при этом указывал, что страх перед революцией мог помешать царизму пойти на заключение сепаратного мира из-за неуверенности в позиции армии, «с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов».¹⁵⁵

Итак, В. И. Ленин не связывал свой вывод о повороте к империалистическому миру с достоверностью слухов о сепаратном мире между Россией и Германией, указывая на объективные причины, которые должны были как толкать царизм к поискам такого мира, так и противодействовать его заключению. При этом самый слух о переговорах был почерпнут В. И. Лениным из швейцарской газеты, по-видимому, как указывал В. П. Семенников, из «Бернер Тагевахт».¹⁵⁶

Неофициальные контакты между Россией и Германией сохранялись и в годы войны. Александра в течение всей войны получала (через Данию и Швецию) письма от своего брата Эрнста Гессенского, от Макса Баденского, от своей сестры Ирины Прусской, поддерживала связь с Германией через Комитет по делам военнопленных.¹⁵⁷ Самые письма германских родственников Александры были ею уничтожены и содержание их нам неизвестно, в пересказах же их в письмах Александры Николаю речь идет о семейных новостях, хотя один раз она упомянула и о попытке Эрнста Гессенского устроить дипломатическую встречу русских и германских представителей в апреле 1915 г. В 1915 г. Германия неоднократно проявляла инициативу в попытках зондирующих переговоров о сепаратном мире. В начале 1916 г. такие попытки делались Г. Стиннесом. Во всех этих случаях инициатива исходила от Германии, а реакция русского правительства была отрицательной.¹⁵⁸ Одновременно германская дипломатия предпринимала аналогичные шаги в сторону Франции и Англии, поскольку целью всех этих попыток было расколоть антигерманскую коалицию и победить противников поодиночке.¹⁵⁹

В России, бесспорно, существовали круги, сохранившие и во время войны симпатии к Германии прежде всего как к оплоту монархического принципа. Мы имеем в виду крайне правых. В июле 1914 г. во время кризиса, вызванного австрийским ульти-

¹⁵⁴ Там же, стр. 342.

¹⁵⁵ Там же, стр. 341.

¹⁵⁶ В. П. Семенников. Политика Романовых накануне революции. М.—Л., 1926, стр. 53.

¹⁵⁷ См.: Переписка Романовых, т. 3, стр. 140, 174, 247, 332, 414; т. 4, стр. 125, 368.

¹⁵⁸ Эти попытки подробно описаны в книгах В. П. Семенникова, отрицающей и отрицательную позицию царского правительства.

¹⁵⁹ См.: А. Манусевич. Попытки Германии расколоть Антанту в первый период мировой войны. Исторический журнал, 1944, № 7—8.

матумом Сербии, газета «Земщина» выступала против войны с Германией, заявляя, что такая война будет лишь «во славу Израиля» и что война России и Германии — это война «двух наиболее сильных монархий, являющихся оплотом христианской цивилизации». ¹⁶⁰ «Русское знамя» в эти же дни говорило о неестественности союза с Францией, который поддерживает «вредные для нашего государства разрушительные идеи». ¹⁶¹ Даже в конце сентября 1914 г. «Русское знамя» все еще выступало против «бесповоротного полного разгрома монархической идеи и Германии как ее очага». ¹⁶²

После образования прогрессивного блока и выдвижения им требования реорганизации правительства правые стали открыто выражать недовольство продолжением войны. «Земщина» в сентябре 1915 г. писала, что если правительство будет изменено в духе требований блока, то «стоит ли продолжать войну? — ведь все равно попадем под власть немцев и евреев», ¹⁶³ а известный черносотенец Н. А. Павлов («дворянин Павлов») заявлял, что неизвестно, «что будет хуже: победа Германии или республика, т. е. победа Милюковых?». ¹⁶⁴ В связи с этим вновь стали появляться утверждения, что война России и Германии есть результат «заговора жидовства», стремившегося сравнить два оплота монархизма и христианства. ¹⁶⁵ Князь Жевахов (будущий товарищ обер-прокурора Синода) выступал с аналогичными заявлениями в офицерском собрании в Ставке. ¹⁶⁶ С лета 1916 г. резко усиливается антианглийская кампания правых. Петроградская охранка в октябре 1916 г. доносила, что «в обществе вращается множество памфлетов, направленных против Англии и требующих окончания войны и прочного мира с центральными державами». ¹⁶⁷ В 1917 г. правые стали открыто высказывать сомнения в возможности победы ¹⁶⁸ и подчеркивать военные успехи Германии. ¹⁶⁹

Сведения о настроениях в России в пользу сепаратного мира просачивались в Германию. Адмирал Тирпиц в своих воспоминаниях утверждал, что осенью 1916 г. он разговаривал с русским, симпатизирующим Германии, и пришел к выводу о возможности заключения мира. ¹⁷⁰ Если верить Эрцбергеру, то в сентябре он получил сообщение непосредственно из Петрограда, будто бы по

¹⁶⁰ Земщина, 17 и 19 июля 1914 г., №№ 1726 и 1728.

¹⁶¹ Русское знамя, 10 июля 1914 г., № 154.

¹⁶² Там же, 30 сентября 1914 г., № 220.

¹⁶³ Земщина, 24 сентября 1915 г., № 2138.

¹⁶⁴ Московские ведомости, 24 ноября 1915 г., № 270.

¹⁶⁵ Земщина, 9 декабря 1915 г., № 2211 и 12 июля 1916 г., № 2410.

¹⁶⁶ Кн. Н. Д. Жевахов. Воспоминания, т. I, Мюнхен, 1923, стр. 45.

¹⁶⁷ Доклад петроградского охранного отделения. Октябрь 1916 г. Красный архив, 1926, № 4 (17), стр. 25.

¹⁶⁸ Земщина, 11 января 1917 г., № 2573.

¹⁶⁹ Там же, 23 февраля 1917 г., № 2614.

¹⁷⁰ A. von Tirpitz. Erinnerungen. Leipzig, 1920. S. 270.

словам каких-то видных чиновников война надоела и Россия охотно заключила бы мир.¹⁷¹ Тот же Эрцбергер писал, что русский посланник в Швеции А. В. Неклюдов выражал удивление по поводу неловкой тактики немцев, которые своими преждевременными выступлениями в прессе компрометируют людей, выступающих в России в пользу мира.¹⁷²

В этой атмосфере казались правдоподобными утверждения лидеров прогрессивного блока, будто правые оказывают активное давление на Николая с целью заключения сепаратного мира. В частности утверждалось, что Н. Маклаков, Щегловитов и Таубе подавали записку, в которой высказывались за прекращение войны.¹⁷³ При этом имелось в виду особое мнение этих лиц, заявленное в конце 1914 г. при обсуждении польского вопроса, в котором на самом деле говорилось о необходимости разгрома Германии.¹⁷⁴ Выступая со своими обвинениями, лидеры блока заведомо знали, что они не соответствуют действительности.¹⁷⁵ Очевидно, столь же неосновательны были заявления и о другой записке правых за 150 подписями, в которой якобы содержалось требование сепаратного мира.¹⁷⁶ Лидеры блока так и не рискнули назвать ни одного из подписавших будто бы эту записку. Из сказанного ясно, с какой осторожностью следует подходить к разного рода слухам, появившимся в прессе в годы войны и подхватывавшимся либеральной оппозицией.

Большой интерес представляют переговоры, которые с 1/13 мая по 27 мая/9 июня 1916 г. известный журналист и предприниматель И. И. Колышко вел с германским капиталистом Г. Стиннесом. Перед отъездом в Стокгольм Колышко был принят Штюмером и вел переговоры с его ведома. При этом он говорил Стиннесу, что обсудил со Штюмером причины, затрудняющие заключение сепаратного мира, в числе которых была им названа и позиция Николая. Колышко сообщил Стиннесу, что для того чтобы обойти русское Министерство иностранных дел, он будет вести переписку со Штюмером через ближайшего сотрудника последнего, известного авантюриста И. Ф. Манасевича-Мануйлова, и рекомендовал Стиннесу познакомиться с Манасевичем.¹⁷⁷

Расчищая дорогу для дальнейших переговоров, Штюмер в июне—июле воспротивился принятию Советом министров декла-

¹⁷¹ М. Э. Эрцбергер. Германия и Антанта. М.—Пгр., 1923, стр. 202—203.

¹⁷² Там же, стр. 203—204.

¹⁷³ Государственная дума. Сессия IV, стлб. 2423.

¹⁷⁴ Русско-польские отношения в период мировой войны. М.—Л., 1926, стр. 19—23.

¹⁷⁵ См.: Речь, 7 марта 1916 г., № 65.

¹⁷⁶ Государственная дума. Сессия IV, стлб. 2582.

¹⁷⁷ Стиннес — Циммерману, 4/17 июня 1916 г. *L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'office allemand des Affaires étrangères.* Paris, 1962, pp. 370—373.

рации по польскому вопросу и добился увольнения С. Д. Сазонова с поста министра иностранных дел, взяв этот пост в свои руки. Этот шаг Штюмерера вызвал резкое недовольство Распутина.¹⁷⁸ В августе были сделаны приготовления, для того чтобы послать за границу с секретной миссией Манасевича-Мануйлова, для которого уже был заготовлен заграничный паспорт и разрешение на переезд границы без досмотра.¹⁷⁹ Любопытно, что тогда же Воейков стал широко высказывать уверенность, будто «война совершенно определенно кончится к ноябрю, а теперь, в августе, будет начало конца».¹⁸⁰ Это высказывание приобретает особый интерес, поскольку, подготавливая поездку Манасевича-Мануйлова по официальным каналам (через директора канцелярии Министерства иностранных дел при Ставке Базили), Штюмерер, видимо, не рискнул сам назвать его имя, и кандидатура Манасевича была указана Базили ближайшим помощником Воейкова генералом Спиридовичем. Надо отметить, что Базили и Спиридович впоследствии давали противоречивые показания о целях поездки Манасевича-Мануйлова. Базили (может быть, искренне) говорил, что речь шла о попытке завязать отношения с «одной из балканских стран»,¹⁸¹ а Спиридович уверял, будто целью поездки была организация шпионажа.¹⁸²

Представляется неясным, действовал Штюмерер с ведома Николая или нет. Во всяком случае весь этот эпизод остался без последствий, ибо 19 августа Манасевич был арестован за шантаж. Вместе него никто послан не был.¹⁸³

Сведения о встрече Колышко и Стиннеса просочились на страницы печати весной 1917 г. Однако им не было придано большого значения, и эта встреча рассматривалась лишь как подготовка состоявшихся в конце июня переговоров Протопопова с Ф. Варбургом. Последние произошли во время возвращения Протопопова и

¹⁷⁸ Падение царского режима, т. 2, стр. 52; Переписка Романовых, т. 5, стр. 142.

¹⁷⁹ Протокол допроса Лебедева, 10 апреля 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 553, лл. 16—17.

¹⁸⁰ Переписка Романовых, т. 4, стр. 380.

¹⁸¹ Протокол допроса Базили, 14 апреля 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 553, л. 18.

¹⁸² Протокол допроса Спиридовича, 16 мая 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 553, л. 21.

¹⁸³ С именем Манасевича-Мануйлова связан еще один эпизод, получивший название «съезда докторов». Во второй половине июля (н. ст.) 1916 г. доверенное лицо Вильгельма II Карл Рене обратился с предложением о переговорах к корреспонденту «Нового времени» в Копенгагене А. Каро. В их переписке переговоры фигурировали под названием «консультаций докторов». Каро переслал всю переписку Манасевичу-Мануйлову. Очевидно, у него были основания полагать, что именно через Манасевича-Мануйлова предложение о переговорах попадет в нужные руки. Оно, однако, не дошло до Манасевича из-за его ареста (Копии писем Каро — Манасевичу-Мануйлову и телеграмм Рене — Каро и Каро — Рене. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 553, лл. 3—6).

ряда других членов делегации Думы и Государственного совета из Англии в Россию. Первоначально им не было придано серьезного значения ни Сазоновым,¹⁸⁴ ни английским послом в Петрограде Дж. Бьюкененом,¹⁸⁵ ни членами прогрессивного блока. Позже, уже в показаниях в Чрезвычайной следственной комиссии, Милюков называл переговоры Протопопова и Варбурга «случайным эпизодом», «политически не важным».¹⁸⁶ Шум вокруг этой встречи был поднят оппозицией в ходе ее кампании, имевшей целью свалить Протопопова.

Между тем встреча Протопопова и Варбурга действительно была случайной. Согласно донесению Фрица Варбурга, она произошла после того, как член русской делегации Олсуфьев заявил представителю акционерного общества «Мазут» в Швеции М. С. Гуревичу (видимо, русскому резиденту), что он хотел бы для полноты впечатлений о настроениях в Европе встретиться с каким-нибудь немцем. Гуревич организовал в помере гостиницы у директора «Мазута» Л. С. Поляка, также возвращавшегося в Россию, встречу Варбурга с Олсуфьевым и Протопоповым, причем Варбург первоначально ожидал увидеть одного Олсуфьева.¹⁸⁷ Нужно отметить, что Протопопов не делал тайны из своей встречи с Варбургом, не только сообщив о ней английскому посольству в Петрограде,¹⁸⁸ но и рассказывая о свидании буквально каждому встречному. Не вполне ясна роль Неклюдова. Он несомненно поддерживал контакты с германскими представителями в Швеции (так, он заранее знал или имел основания считать, что германский посланник Люциус не придет на встречу с Протопоповым). Такие контакты были тем более нормальны, что именно через Швецию осуществлялись сношения русского и германского Красного Креста и т. п. Но когда Протопопов, защищаясь от нападков оппозиции, просил Неклюдова подтвердить, что предупредил его о своей встрече, Неклюдов категорически отрицал это и даже утверждал, что никогда не слышал имени Варбурга,¹⁸⁹ забыв, как годом раньше сам же извещал Министерство иностранных дел о предложении Монкевица устроить встречу Варбурга с каким-нибудь русским финансистом.¹⁹⁰ По-видимому, Неклюдов боялся, что могли всплыть на поверхность какие-либо его разговоры

¹⁸⁴ Протокол допроса Сазонова, 24 марта 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 547, л. 7.

¹⁸⁵ Бьюкенен — Гредю, 15/28 июля 1916 г. Константинополь и проливы, т. 1, М., 1925, стр. 406.

¹⁸⁶ Падение царского режима, т. 6, стр. 339, 341.

¹⁸⁷ Люциус — Бетман-Гольвегу, 25 июня/8 июля 1916 г. L'Allemagne..., pp. 391—394.

¹⁸⁸ Голос России, 19 марта 1921 г.

¹⁸⁹ Неклюдов — Нератову, 30 ноября/13 декабря 1916 г. Константинополь и проливы, т. 1, стр. 408.

¹⁹⁰ Неклюдов — Сазонову, 15/28 июля 1915 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 376—377.

с Варбургом (или другим германским представителем) вроде тех, о которых писал Эрцбергер. Что касается возвышения Протопопова, то мы уже указывали на его связь с внутривластными планами царизма. Свидание с Варбургом дало Протопопову повод представиться Николаю и произвести во время аудиенции хорошее впечатление. Было ли это впечатление связано именно с его разговором с Варбургом, мы не знаем. Но любопытно, что в декабре, когда блок повел кампанию против Протопопова, тот специальным письмом просил Воейкова довести до сведения Николая, что он ничего не скрывал от Неклюдова. Протопопов явно боялся, как бы Николай не поверил в его причастность к каким-либо тайным переговорам.¹⁹¹

После переговоров Стинисса и Колышко и встречи Варбурга с Олсуфьевым и Протопоповым и вплоть до января 1917 г. не было встреч между германскими и русскими представителями. Вильгельм II неоднократно напоминал руководителям своего ведомства иностранных дел о необходимости не упускать из виду задачу заключения сепаратного мира с Россией. Под этим углом зрения в августе—октябре 1916 г. шла переписка между германским Министерством иностранных дел и Верховным командованием по вопросу о Польше. Руководители дипломатической службы и сам Бетман-Гольвег подчеркивали, что подготавливающийся манифест об отделении Польши от России затруднит переговоры о мире.¹⁹² Военные руководители, однако, настаивали на таком манифесте, нуждаясь в дополнительных контингентах войск, которые они рассчитывали набрать после провозглашения польской «независимости». В конце концов точка зрения военных победила, и опубликование германского манифеста о Польше вызвало резкую реакцию в России.

Отказываясь выступить на протяжении второй половины 1916 г. с новой инициативой в пользу сепаратного мира, Бетман-Гольвег исходил из того, что все его прежние предложения встретили на берегах Невы «эхо насмешек»¹⁹³ и что следует дожидаться психологически благоприятного момента для нового демарша.

¹⁹¹ Копия письма Протопопова — Воейкову (б. д.), копия телеграммы Воейкова — Протопопову, 10 декабря 1916 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 448, лл. 77, 78. — Что касается телеграмм на имя Протопопова, полученных из Швеции по каналам Министерства иностранных дел, которые Миллюков считал относящимися к сепаратным переговорам (Падение царского режима, т. 6, стр. 339), то они в действительности были донесениями агенты, занимавшейся слежкой за политэмигрантами (Постановление следователя Чрезвычайной следственной комиссии Г. П. Гирчича, 2 октября 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, лл. 110—115).

¹⁹² Бетман-Гольвег — Гинденбургу, 27 сентября/10 октября 1916 г. L'Allemagne..., р. 512.

¹⁹³ Бетман-Гольвег — Фердинанду Болгарскому, 10/23 октября 1916 г. L'Allemagne..., р. 522.

Такой момент мог, по его мнению, наступить зимой 1917 г.¹⁹⁴ При этом Бетман-Гольвег считал, что желания правых кругов в России заключить мир будет недостаточно, для того чтобы склонить к этому Николая, и необходимо переубедить русскую либеральную партию, выступающую за продолжение войны. Именно с этой точки зрения Бетман-Гольвег радовался назначению Протопопова министром внутренних дел — не из-за него самого, а из-за того, что видел в этом сближение Штюрмера с «левыми» и надеялся, что Штюрмер сумеет сдвинуть их с прежней позиции войны до победы.¹⁹⁵ Кроме того Бетман-Гольвег надеялся, что вслед за Протопоповым в кабинет Штюрмера войдет Коковцов,¹⁹⁶ которого в Германии считали сторонником мира.

В ноябре в Софии и Берлине возникла идея использовать для нового демарша болгарского дипломата Ризова, пользовавшегося репутацией руссофила. При этом фон Ягов подчеркивал, что выбор Ризова связан с необходимостью убедить в бессмысленности продолжения войны русских либералов, в частности Милюкова, с которым Ризов хорошо знаком.¹⁹⁷ В январе 1917 г. Ризов тайно выехал в Скандинавию, причем германское Министерство иностранных дел, извещая своих представителей об этом, называло целью поездки Ризова получение информации о положении в России от его русских друзей.¹⁹⁸ Вслед за тем Ризов явился сначала к Неклюдову, а затем к рускому посланнику в Норвегии К. Н. Гулькевичу с предложением телеграфировать в Петроград о желании Германии заключить мир с Россией.¹⁹⁹

Если германская дипломатия вплоть до поездки Ризова не предпринимала попыток начать переговоры о сепаратном мире, то русская дипломатия со своей стороны была еще более сдержанной. Е. Д. Черменский обратил внимание на опубликованную в 1926 г. «Предсмертную записку» Протопопова, считая ее важным аргументом в пользу существования «заговора царизма» с целью заключения сепаратного мира. Действительно, в предисловии П. Я. Рысса к этой записке передается рассказ Протопопова о том, что в декабре 1916 г. он совещал Николаю заявить союзникам, что Россия не в состоянии больше вести войну. Протопопов считал нужным предложить союзникам заключить мир

¹⁹⁴ Бетман-Гольвег — Гинденбургу, 27 сентября/10 октября 1916 г. *L'Allemagne...*, p. 512.

¹⁹⁵ Бетман-Гольвег — Фердинанду Болгарскому, 10/23 октября 1916 г. *L'Allemagne...*, p. 523.

¹⁹⁶ Бетман-Гольвег — Вильгельму, 19 сентября/2 октября 1916 г.; Гинденбургу, 27 сентября/10 октября 1916 г. *L'Allemagne...*, pp. 488, 512.

¹⁹⁷ Оберндорф — в Министерство иностранных дел, 2/15 ноября 1916 г.; Ягов — посольству в Софии, 5/18 ноября 1916 г. *L'Allemagne...*, pp. 564, 570—571.

¹⁹⁸ Циммерман — посольствам в Христиании и Копенгагене, 18/31 января 1917 г. *L'Allemagne...*, p. 689.

¹⁹⁹ Гулькевич — Покровскому, 22 января/4 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 384.

с Германией и предупредить, что если они откажутся, то Россия через несколько месяцев будет вынуждена выйти из войны одна.²⁰⁰ По словам Протопопова, Николай согласился с ним. Видимо, с этими предложениями Протопопова связаны слухи о предстоящем заключении мира, ходившие в окружении его и Александры,²⁰¹ и слова Распутина о решении подписать мир с Германией, сказанные им Ф. Юсупову.²⁰² Но из этого рассказа Протопопова вытекает (в противоположность тому, что видит в нем Е. Д. Черменский), что до декабря 1916 г. Николай и его правительство еще не имели в виду окончания войны до разгрома Германии, а в декабре речь шла еще не о сепаратном мире, а о действиях совместно с союзниками. Курс на сепаратные переговоры мог быть взят (если он вообще имел место) лишь некоторое время спустя.

В этой связи показательна реакция русской дипломатии на демарш Ризова. Гулькевич считал необходимым тут же рассказать о нем союзным послам,²⁰³ отвергая, таким образом, возможность принятия предложения о сепаратных переговорах. Министр иностранных дел Н. Н. Покровский, с одной стороны, предложил Неклюдову и Гулькевичу, если Ризов повторит демарш, добиться от него более точной формулировки условий²⁰⁴ (но не предлагал проявлять инициативу самим!), а с другой — уже после переданных через Ризова германских предложений выражал во всеподданнейшей записке уверенность в победе над Германией и ставил вопрос о подготовке к октябрю 1917 г. экспедиционного корпуса для десанта в Константинополь.²⁰⁵ В ответ на эту записку Базили передавал 26 февраля Покровскому мнение начальника штаба Ставки генерала Алексеева, что «судьба настоящей войны зависит от нанесения решительного удара немцам» и только после этого можно будет думать о десанте в проливах.²⁰⁶

Нет оснований утверждать, что Николай и Александра занимали в этом вопросе иную позицию, чем официальные руководители армии и дипломатического ведомства. Английский и французский послы, с тревогой следившие за развитием событий в России и не питавшие симпатий к царской чете, сходились во мнении, что Николай и Александра не хотят сепаратного мира.

²⁰⁰ Голос минувшего на чужой стороне, 1926, № 2, стр. 169.

²⁰¹ Протокол допроса полковника Пиранг. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 446, л. 42.

²⁰² Записки Н. М. Романова. Красный архив, 1931, № 6 (49), стр. 99.

²⁰³ Гулькевич — Покровскому, 24 января/6 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 385.

²⁰⁴ В. П. Семеновиков. Романовы и германские влияния. М.—Л., 1929, стр. 72.

²⁰⁵ Всеподданнейшая записка Покровского, 21 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 387—390.

²⁰⁶ Базили — Покровскому, 26 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 391—393.

В январе—феврале 1917 г. Палеолог сообщал в Париж, что отношение к войне — это единственное, в чем Николай солидарен с либеральной оппозицией,²⁰⁷ а Бьюкенен в это же время докладывал в Лондон: «Единственный пункт, в котором мы можем рассчитывать на его (Николай, — В. Д.) твердость — это война — и это в тем большей степени, что сама императрица, которая в действительности правит Россией, держится здравых взглядов на этот вопрос».²⁰⁸

Следует остановиться на двух аргументах, приводимых в пользу того, что в последние дни существования царизма были предприняты шаги для выхода России из войны. В публикации «Константинополь и проливы» приводится телеграмма английского посланника в Копенгагене Р. Пэджета министру иностранных дел Э. Грею от 28 января/10 февраля 1917 г. Пэджет утверждал, будто в Швеции идут переговоры между чинами русского и германского министерств иностранных дел.²⁰⁹ Мы видели, что даже переговоры без участия официальных лиц, если они действительно имели место, оставляли следы в документах. В данном же случае, несмотря на участие якобы в переговорах чиновников Министерства иностранных дел, в русских документах никаких следов не осталось. Насколько можно судить по очень обстоятельной монографии прогрессивного западногерманского историка Ф. Фишера,²¹⁰ нет таких документов и в германских архивах. Может быть, в основу этого слуха легли сведения, просочившиеся в Скандинавии о шагах, предпринятых Ризовым как раз в это время. Кроме того, не исключена возможность сознательной дезинформации, направленной на подрыв отношений между Россией и ее союзниками. Позднее, в июле 1917 г., Морской генеральный штаб утверждал, что одной из функций миссий Варбурга в Копенгагене и Стокгольме было именно распространение слухов о готовности России заключить сепаратный мир.²¹¹

Наибольшее значение советские историки придают обычно рассказу австрийского министра иностранных дел О. Чернина, согласно которому 13/26 февраля представитель нейтральной державы передал ему предложение от неназванного им государства заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией и предупредил, что это предложение потеряет смысл, если станет известным

²⁰⁷ Последние новости (Париж), 10 апреля 1924 г.

²⁰⁸ Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М.—Л., 1924, стр. 180.

²⁰⁹ Пэджет — Грею. 28 января/10 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 386.

²¹⁰ F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland, 1914/1918. Düsseldorf, 1961. — Публикация документов, которой мы пользовались выше (L'Allemagne...), доведена до середины января 1917 г., но Ф. Фишер пользовался теми же самыми архивными фондами.

²¹¹ Морской генеральный штаб — Чрезвычайной следственной комиссии, 5 июля 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, л. 52.

«третьей державе, дружественной нам или той». Чернин расценил это предложение как исходящее из России. Он послал телеграмму (куда именно — он не сообщает), в которой соглашался на мир, но заявлял, что Австро-Венгрия неотделима от своих союзников. 24 февраля/9 марта Чернин получил ответ (откуда — опять-таки не сообщает), в котором оставался открытым вопрос о том, согласны ли авторы предложения распространить его и на союзников Габсбургской монархии.²¹² Из сообщения Чернина не ясно, и видимо было не ясно и ему самому, исходило ли предложение непосредственно от царского правительства или от каких-нибудь лиц, которые, как признает Чернин в другой ситуации (связанной с Италией), могли действовать без ведома правительства.²¹³

Опираясь на этот рассказ, И. И. Минц в «Истории гражданской войны» утверждал, что телеграмма 13 февраля была началом осуществления той программы борьбы с оппозицией, которая содержалась в письме Н. Маклакова Николаю от 9 февраля, где говорилось, что «враг внутренний» наглей и опаснее «врага внешнего».²¹⁴ Исключительно на совпадении дат строил свою схему и В. П. Семенников, утверждавший, будто на совещании правых 24 февраля (день получения Черниным второй телеграммы) было принято решение о сепаратном мире, хотя он сам должен был признать, что ему неизвестно, о чем говорилось на этом совещании.²¹⁵

По нашему мнению рассказ Чернина никак не может служить доводом в пользу готовности России в феврале 1917 г. выйти из войны. Даже если телеграммы, о которых он рассказывает, были посланы с ведома Николая и царского правительства, речь в них шла не о желании России заключить сепаратный мир с центральными державами, а о попытке втайне от Германии («третьей державы», дружественной Австро-Венгрии) начать переговоры с Австро-Венгрией, т. е. о расколе центральных держав.

Итак, нам представляется, что если в научный оборот не будут введены новые достоверные факты, нет оснований утверждать, будто царское правительство или придворная камарилья, помимо правительства, предпринимали реальные шаги для заключения сепаратного мира. Хотя у самодержавия были объективные причины стремиться к выходу из войны, хотя в среде правых существовало очень сильное настроение в пользу такого шага, хотя, наконец, Протопопов предлагал в декабре взять курс на мир и, возможно, получил принципиальное согласие Николая, практически царизм, насколько мы можем судить на основании имеющихся фактов, не встал на путь сепаратного выхода из войны.

²¹² О. Чернин. В дни мировой войны. Пгр., 1923, стр. 156—158.

²¹³ Там же, стр. 155.

²¹⁴ История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 56.

²¹⁵ В. П. Семенников. Политика Романовых, стр. 60—61, 140.

Естественно, встает вопрос, почему же царизм не пошел на «заговор», не начал сепаратные переговоры о мире, не разработал и не попытался решительно провести в жизнь план разгрома всякой оппозиции режиму. В том, что касается вопроса о выходе из войны, дело заключалось прежде всего в страхе, что заключение сепаратного мира с Германией на условиях, которые она навяжет, приведет к свержению монархии буржуазной оппозицией и генералитетом, настроенными за продолжение войны. Царизм побоялся встать на путь сепаратного мира «по соображению о том, что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским».²¹⁶

В вопросах же внутренней политики Николай, Александра и их окружение, при всем их страхе перед народными массами, все же недооценили остроту революционного кризиса, обращая внимание в первую очередь на оппозицию Думы и петроградского великосветского общества. Этому немало способствовала инспирированная Протопоповым и другими деятелями камарильи кампания верноподданнических писем и телеграмм от черносотенных организаций. Типичной для царской четы была реакция Александры на одну из таких телеграмм, полученную в середине декабря: «Одни, — писала она по этому поводу, — гнилое, слабое, безнравственное общество, другие — здоровые, благомыслящие, преданные подданные — их-то и надо слушать, их голос — голос России, а вовсе не голос общества или Думы».²¹⁷ Это заблуждение разделял и Николай, который в конце декабря говорил своему флигель-адъютанту Н. П. Саблину, что «нарочно выбирает лиц, которых общественное мнение не любит и ненавидит, считая, что Россия одобрит эти назначения, а все неудовольствие идет исключительно из Петрограда».²¹⁸

При такой оценке ситуации Николай, очевидно, мог полагать, будто «положение не так трагично и все устроится»²¹⁹ и, полностью разделяя ненависть правых к Думе и либеральной оппозиции, не спешить с решительными мерами против нее, тем более что срок полномочий Думы истекал. Ее роспуск в ближайшее время мог быть осуществлен на «законных основаниях». К тому же Николай явно надеялся, что в случае отсрочки столкновения с оппозицией, оно произойдет в более благоприятных для царизма условиях. Выжидательная политика Николая основывалась (и в этом, очевидно, ключ к его тактике в январе—феврале) на расчете на успех весеннего наступления русской армии, о чем Николай говорил близкому к нему бывшему могилевскому губер-

²¹⁶ В. И. Ленин, ПСС, т. 30, стр. 243.

²¹⁷ Переписка Романовых, т. 5, стр. 189—190.

²¹⁸ Из дневника Андрея Владимировича. Красный архив, 1928, № 1 (26), стр. 191.

²¹⁹ М. Палеолог. Царская Россия накануне революции, стр. 303.

натору Пильцу, а Щегловитов — министру народного здравия Г. Е. Рейну,²²⁰ также очень близкому к Николаю и Александре. Кстати сказать, либеральная оппозиция, мечтавшая о победе, в то же время очень боялась успеха этого наступления, думая, что его результаты «сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство».²²¹ Именно на это и рассчитывал со своей стороны Николай. Эти надежды могли, кстати, сыграть роль и в подходе Николая к вопросу о сепаратном мире.

Выжидательная тактика Николая, противоречивые, часто взаимоисключающие планы Протопопова, Римского-Корсакова, Говорухо-Отрока и других были проявлениями глубокого кризиса власти, оказавшейся накануне Февраля в безвыходном тупике. Россия приближалась к революции. Ее дыхание все явственнее ощущалось на петроградских улицах, о ней все чаще и чаще говорили и писали буржуазные лидеры и перепуганные обыватели. «За эти три месяца, — записывала в декабре 1916 г. в своем дневнике племянница Родзянко З. В. Арапова, — произошла громадная перемена в настроениях общества, даже страшно становится, как мы неотвратимо, скачками летим к революции».²²² В это же самое время Милюков говорил с думской трибуны: «Мы переживаем теперь страшный момент. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок законности и возрождаются явочные формы 1905 г.».²²³ В январе Шингарев телеграммой спешно вызвал из Киева в Петроград Шульгина и заявил ему: «Мы идем к революции».²²⁴

Царское правительство (как и буржуазная оппозиция) шло навстречу революционной буре в состоянии разброда и растерянности. Перед лицом подымающегося на борьбу пролетариата Николай и его окружение упрямо отказывались пойти на уступки либеральной буржуазии, не меньше самодержавия боявшейся рабочего класса. Но, единые в своем нежелании поступиться хотя бы частью традиционных привилегий, представители реакционного лагеря не могли сговориться между собой о методах подавления оппозиции. Склока в правительстве и камарилье продолжалась до последнего часа царизма. Самодержавный режим прогнил до такой степени, что оказался неспособным не только осуществить, но даже выработать план своего спасения.

²²⁰ Г. Е. Рейн. Из пережитого. 1907—1918, т. 2. Берлин (без года издания), стр. 161—162.

²²¹ Машинписанная копия письма Милюкова (без указания адресата и даты). Архивная датировка — август 1917 г. ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 6392, л. 1.

²²² Дневник Араповой. РО ГБЛ, ф. 12, кор. 1, ед. хр. 9, л. 63.

²²³ Государственная дума. Сессия V, стлб. 1178.

²²⁴ В. В. Шульгин. Дни, стр. 86.